

byohio ©

Ночь понедельника

В своих комнатах в другом конце зала спали дети. Мэтт и Линн сидели бок о бок в постели, прислонившись к подушкам. Он читал книгу о гражданской войне, она редактировала маркетинговый отчет. С легким вздохом Мэтт закрыл книгу и покатился боком, чтобы посмотреть на жену.

Ему всегда нравилось, как кончик ее языка немного высовывается между ее губ, когда она на чём-то сосредотачивалась. Ручка парила над бумагой, она рассеянно зачесала прядь своих темных волос назад за ухо.

— Линни?

— Ммм, — ответила она, не поднимая глаз. Мэтт подождал, и через мгновение она повернулась, чтобы посмотреть на него.

— Ты любишь его?

Линн стала очень тихой и немного бледной. Она молча посмотрела на него. Она просто не могла заставить себя сыграть в эту игру — сказать «что?» Или попытаться нелепо соврать. Мэтт заслуживал лучшего.

— Нет.

— Значит, все дело только в ёбанном трахе?»

— Мэтт, я... — начала она, пытаясь удержать его взгляд.

Затем она посмотрела на бумаги у себя на коленях.

— Да, я думаю, дело было только в сексе. Флирт, а затем секс.

— Понятно, — сказал он в тишину.

— Я хочу чтобы ты спала в комнате для гостей», — сказал он, его голос все еще был спокойным и тихим. Она кивнула и встала с кровати, надевая тапочки, и потянулась за своим халатом со стула.

— Если, конечно, ты не трахалась с ним в этой постели. Если ты это делала, я никогда больше не буду в ней спать.

— Нет, я этого не делала. Она хотела сказать: — Как ты мог подумать, что я сделаю такое? — но это было бы смешно в данных обстоятельствах.

Не говоря ни слова, Мэтт выключил свет на ночь, и положил голову на подушку, повернувшись к ней спиной. Линн смотрела на него с минуту, ее лицо напряглось от боли. Затем она тихо вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

*****

Вечер пятницы.

Когда Мэтт вернулся домой, дом был полон восхитительных запахов.

Он повесил пальто, и Линн вышла из кухни, чтобы поприветствовать его с улыбкой, хотя и не осмелилась подойти близко. На ней был один из ее праздничных фартуков, который она носила, когда приходили гости.

— Бет и Джейсон ужинают в ресторане Frankels. Я думала, что приготовлю нам что-нибудь вкусное сегодня вечером, — сказала она, пытаясь сохранить улыбку на лице.

Мэтт заглянул в столовую. Стол был накрыт скатертью, на нём стояли фарфоровые блюда и

два их лучших фужера. Были свечи и тканевые салфетки в серебряных кольцах.

Мэтт кивнул.

— Пахнет хорошо. Дай мне умыться, и я приду через несколько минут.

Когда он вернулся, Линн как раз приносила еду из кухни.

Она подала каждому из них жареного цыпленка, картофель соломкой и стручковую фасоль.

В стороне в красивой миске стоял красивый салат с дольками апельсина.

Они сели, и Линн ярко улыбнулась своему мужу, хотя напряжение было заметно на ее лице.

— Это выглядит очень красиво, — сказал Мэтт. Затем неторопливо он встал на свой стул, так что он возвышался над столом. Линн смотрела в замешательстве, а затем в ужасе, он расстегнул молнию на штанах, вытащил свой член и медленно, осторожно обоссал весь стол. Он облил курицу, гарниры, салатник и только что наполненные бокалы вина. Его моча пропитала тарелки и скатерть.

— Мэтт, что... ! — Линн вскрикнула почти непроизвольно. Ее глаза расширились от шока и ужаса.

Мэтт застегнул молнию и слез со стула. Он пристально посмотрел на Линн.

— Я подумала, что тебе может быть интересно, посмотреть, каково это, когда кто-то ссыт на то, что тебе небезразлично, то, во что вы вложили много времени, любви и усилий. Я подумал, что это может быть полезным опытом.

Линн не ответила, просто посмотрела на мужа, слезы катились по ее щекам. Мэтт подошел к шкафу, вытащил пальто и вышел из дома.

*****

В воскресенье днем.

— Я запросила перевод, — сказала она.

— Ой?

— Они переводят меня в отдел внутреннего маркетинга через неделю — я хотела, чтобы это произошло как можно скорее. Я буду в здании на Юнион-стрит, подальше от... от того места, где я сейчас работаю...

— И почему ты запросила этот перевод? Я думал, вам понравился международный раздел.

— Так что меня не будет рядом... с Дугласом. Я больше не буду находиться в том же офисе. Он перестал сгребать листья и повернулся к ней, стоящей рядом с ним в ярком осеннем свитере.

— И это важно для меня, почему?

Она выглядела одновременно раздраженной и обиженной.

— Потому что я не увижу его, вот и все. Я хотела, чтобы ты это знал.

Она снова повернулась к граблям.

— Линн, ты уже сказал мне, что все кончено. Конечно, я верю тебе на слово и полностью доверяю тебе — ты можешь придумать причину, по которой я не стал бы этого делать?

— Черт возьми, Мэтт, ты действительно думаешь, что твой сарказм поможет?

— И ты действительно думаешь, что переезд из офиса всё изменит? Как будто нет мотелей, обеденных часов и встреч за завтраком? Или «встреч с клиентами» вне офиса? Если на то пошло, как будто нет многих других мужчин, которые были бы счастливы выебать тебя в голову?

Голос Мэтта стал сердитым. Но он продолжал складывать листья в аккуратные кучи, не глядя на нее.

— Мэтт, — сказала она тихим печальным голосом. — Что еще я могу сделать? Я пробую все, что могу, всеми способами, которые знаю, как... — она заплакала, — Чтобы показать вам, как мне жаль, чтобы начать как-то компенсировать тебе это.

Он снова повернулся к ней.

— И ты полагаешь, что есть какой-то способ «сделать это для меня» — какая-то волшебная формула, правильные слова, действия или жесты? И все это будет завершено? Стань реальной, Линн. Ты живешь в гребаном мире грез.

Он снова отвернулся к своим граблям.

*****

Ночь понедельника.

Линн услышала, как маленькие ножки идут по коридору, а затем в дверном проеме показалась голова Бет, сонная и растерянная.

— Мамочка? Почему ты спишь в гостевой комнате?

Хотя ей было почти шесть лет, она все еще говорила немного шепеляво, особенно когда уставала.

— Я поздно ложусь на работу, дорогая, и я здесь, чтобы не беспокоить папу. Тебе приснился плохой сон?

Бет кивнула, и Линн вскочила с кровати, чтобы поднять ее.

— Пойдем спать со мной, Бетти, ты и Большой Медведь.

Она уложила дочь и плюшевого мишку под одеяло рядом с собой и легла рядом с ними. Через пять минут Бет снова крепко спала, и Линн осторожно подняла ее и Большого Медведя и отнесла обратно в комнату Бет.

На обратном пути в гостевую комнату она внезапно передумала и направилась в главную спальню. Дверь была приоткрыта на несколько дюймов, и в комнате было темно. Линн остановилась, пытаясь подобрать правильные слова, но неожиданный звук остановил ее.

Он плакал. Это был Мэтт, тихо плакавший, вероятно, в подушку. Линн стояла, прислушиваясь,

затем она медленно отвернулась и пошла обратно по коридору в гостевую комнату.

*****

Утро среды.

С каждым днем становилось все легче сидеть в своём офисе и работать, концентрироваться на том, что нужно сделать. Его мысли все еще уходили в болезненные плоскости, но не так часто и ненадолго.

Его секретарше Бернис было очевидно, что что-то не так, но она догадалась, что он не хочет об этом говорить. Она больше не спрашивала, просто сочувственно ему улыбалась.

В 10:50 он встал со стула, подошел к двери и закрыл ее. Затем он взял с книжной полки словарь и вернул его к столу.

Он нашел слово, которое искал, и прочитал определение вслух.

— Рогоносец — мужчина, которому изменяет жена.

Он сел обратно.

— Я рогоносец. — он сказал это пару раз. Это слово показалось ему странным.

— Я рогоносец. Меня сделали рогоносцем. Она сделала меня рогоносцем.

Некоторое время он сидел, глядя в никуда. Потом со вздохом он отложил словарь в сторону и вернулся к работе.

*****

После обеда в субботу.

— Ну что ж, Линн, черт возьми, чего ты ждешь?

Линн не ответила, и ее подруга Арлин продолжила. Они сидели на кухне Арлин, между ними были две кофейные чашки.

— Ты трахаешь другого парня за спиной Мэтта — Арлин увидела, как Линн вздрогнула от этого слова, но продолжила — а теперь ты удивлена, что он зол и ранен?

— Я не удивлена, Арлин.

— Он знает, как долго это продолжалось?

Линн покачала головой.

— Я понятия не имею. Я не знаю, как он узнал и когда. Мы не говорили об этом.

— Как ты думаешь, если бы ты сказала ему, что это было всего несколько раз, это имело бы какое-то значение?

— Это не для меня, — Линн поморщилась. — я имею в виду, если бы было наоборот. Если бы он переспал с какой-нибудь другой женщиной. Пять раз, двадцать раз — меня все равно разрывало бы на части.

— Так что не думай, что я удивлена. Я не совсем знаю, что делать. Я не могу с ним наладить контакт, и я не знаю, что мне, чёрт возьми, делать.

Она посмотрела вниз, помешивая кофе ложкой, и Арлин молча наблюдала за ней.

*****

Три недели спустя — среда днем.

— Нет, — твердо сказал Мэтт, а затем добавил чуть тише: — Нет, я не хочу, чтобы она мне об этом рассказывала.

Терапевт немного нахмурился.

У нее были короткие темные волосы, почти как у битлов, и на ней был коричневый вельветовый джемпер. Ее звали Изобель Харшман.

— Не думаете ли вы, что это поможет вам двоим? Чтобы вы знали, почему Линн это сделала? Мэтт посмотрел на нее, даже не взглянув на жену, сидящую рядом с ним.

— Я полагаю, это могло бы помочь Линн — снять груз с ее сердца. Но я, конечно, не понимаю, как это мне поможет. Если честно, доктор Харшман, мне кажется, что я уже достаточно страдал.

Линн нерешительно сказала:

— Я подумала, что, может быть, если я расскажу вам об этом — о том, как это произошло и почему, это могло бы... вы... могли бы увидеть, что этого никогда не повториться, что я больше никогда не смогу сделать ничего подобного...

Мэтт повернулся и посмотрел на нее.

— Ты действительно в это веришь? Ты действительно думаешь, что ты можешь сказать мне что-нибудь, что восстановило бы мое доверие к тебе, Линн? Заставь меня почувствовать, что мне не придется беспокоиться о тебе всю оставшуюся жизнь, гадая, когда в следующий раз это будет, ты прыгаешь в кровати с другими мужчинами?

Линн посмотрела себе на колени. Очень тихо она сказала:

— Нет, Мэтт. Я не думаю, что я могу сказать что-нибудь, что могло бы убедить тебя.

*****

Два месяца спустя — вечер четверга.

— О, Мэтт, здесь так красиво! — она широко улыбнулась ему, сжимая его руку через стол. Они сидели за столиком на веранде, с видом на Карибское море. Воздух был восхитительно теплым, и красный закат все еще висел в небе. На столе между ними стояли кувшин сангрии и тарелка жареных креветок.

— Это так хорошо, не так ли? — его ответная улыбка не совсем соответствовала её, на его лице было немного напряжения, возможно, вокруг глаз.

В ответ он на несколько мгновений сжал ее руку, затем взял вилку и проткнул еще одну креветку.

— Большое вам спасибо за то, что согласились спуститься со мной!» Линн знала, что ему было трудно удерживать ее взгляд больше мгновения за раз.

Через час они занимались любовью в своей комнате. Линн стояла на четвереньках на кровати, подушки под животом, Мэтт энергично и мощно толкал ее, заставляя ее стонать. Он продержался долго, и Линн достигла двух замечательных оргазмов, прежде чем он ускорился и вошел в нее с громким стоном, прижимая ее задницу к себе руками.

Позже они легли вместе — Мэтт на спину, заложив руки за голову, и Линн прижалась к нему, положив голову ему на грудь.

— Это было чудесно, детка, — пробормотала она низким расслабленным голосом, и Мэтт наклонился, чтобы нежно погладить ее по спине.

Она казалась почти спящей, но затем она подняла голову, чтобы посмотреть на него, и сказала: — Не то чтобы мне это не нравилось, но мне кажется, что каждый раз, когда мы занимаемся любовью в последнее время, ты берешь меня сзади, — хихикнула она.

Ты делаешь меня своей сучкой? — игриво спросила она.

Мэтт посмотрел на нее, его лоб немного нахмурился. Он вздохнул.

— Когда мы делаем это в миссионерской позе, я...

Он отвел взгляд.

— Я смотрю на твое лицо, на твои выражения, и я... не могу перестать видеть тебя с ним.

Представляя, как ты смотришь на него таким же образом...

Мэтт не закончил фразу. Они лежали неподвижно, и Линн внезапно стало холодно. Через несколько минут Мэтт встал, натянул шорты и футболку, надел сандалии и вышел из комнаты.

*****

Семь недель спустя — в субботу вечером.

По большей части они работали тихо, перед книжными полками в противоположных сторонах комнаты. Линн перебирала их компакт-диски, а Мэтт листал книги.

— Могу ли я оставить романы Диккенса? Я их все прочитал, — сказал он.

— Бери, если хочешь. Я никогда не буду их читать.

Она вытащила еще одну пригоршню компакт-дисков и положила те, которые принадлежали Мэтту, в небольшую стопку рядом с собой. Затем она повернулась и посмотрела на него. Она наблюдала за тем, как мышцы его спины двигаются под футболкой, за тем, как каждое его движение было плавным и точным. Все это было так знакомо, что на ее глаза навернулись слезы.

Тихим голосом она сказала:

— Ты знаешь, что это не то, что я хочу. Я никогда этого не хотела.

Мэтт на мгновение остановился, но он не обернулся. Он сдержался с ответом и вернулся к

книгам. Ему не нужно было это говорить — они оба знали, что он сказал бы.

*****

Пять недель спустя — в воскресенье вечером.

— Мамочка, Мамочка! — закричали Бет и Джейсон, выскочив из машины Мэтта и подбежав к ней в объятья, их сумки для ночлега лежали позади них на земле.

Оба заговорили одновременно, они рассказали ей все о зоопарке, о том, что жирафы были их любимцами — «их шеи ТАКИЕ ДЛИННЫЕ!» — и о том, как папа купил каждому по сладкой вате.

Затем, когда их приветствие закончилось, они пробежали мимо нее в гостиную и включили телевизор.

Мэтт улыбнулся, идя к дому, неся брошенные детские сумки.

Линн улыбнулась в ответ. «Похоже, идея с зоопарком удалась».

— Я никогда не мог сказать, были они в восторге или в ужасе. Очень близко подошли к жирафам — они возвышались над стеной прямо над нашими головами. И они любили смотреть на гигантских черепах. Это был хороший день.

Они болтали еще минуту или две. Линн сказала:

— Хочешь зайти выпить кофе? На плите стоит котелок».

— Э-э, нет... нет, спасибо, — сказал он, немного смущаясь.

— Мне действительно нужно идти.

— Хорошо, — сказала Линн, пытаясь сохранить улыбку на лице.

— Увидимся в среду вечером, — сказал он и повернулся к своей машине. Она стояла и смотрела, пока Таурус не достиг конца улицы и не свернул налево, скрываясь от нее.

*****

Четыре месяца спустя — вечер понедельника.

Бет сидела за кухонным столом, раскрашивала, пока Линн готовила ужин. Джейсон сидел на полу, играя в свой любимый деревянный пазл в 500-й раз. Это был разноцветный клоун, в нем было семнадцать деталей.

— Мамочка, а друзья могут целоваться? — Бет выжидающе смотрела на мать.

Линн повернулась к ней.

— Я не знаю, дорогая. Что ты имеешь в виду?

— Ну, я никогда не целую Арти, Мелиссу или своих друзей в школе.

Она поморщилась.

— Было бы противно целовать Арти!

— Но мы встретили подружку папы, и они все время целуются.

Джейсон оторвался от загадки. «Анжела такая милая!» сказал он.

— Да, она милая. Она...

— Она сделала нам хот-доги и макароны с сыром! — Джейсон прервал её, а затем он потерял интерес к разговору и вернулся к своей загадке.

— Да, и она сказала, что в следующий раз мы можем сходить за мороженым.

— Но они с папой продолжали целоваться, знаете ли, как и вы с папой. Всегда ли друзья целуются?

Линн на мгновение зажмурилась. Затем она открыла глаза и улыбнулась Бет.

— Ну, дорогая, некоторые друзья целуются, а некоторые нет — все зависит от обстоятельств. Но дети твоего возраста не целуют своих друзей, так что тебе это не обязательно.

— Хорошо. — Бет кивнула и вернулась к своему делу. Очевидно, она лепила утку, хотя она очень напоминала стегозавра.

— Обед, вымойте руки!, — позвала Линн.

Когда дети вернулись к столу, она сказала:

— По два куса брокколи — по крайней мере! — или сегодня не будет десерта.

Она смотрела, как они вылили кетчуп в свои гамбургеры и начали их есть, затем она вернулась в свою спальню и закрыла дверь. Она села в кресло у кровати, закрыла лицо руками и заплакала.